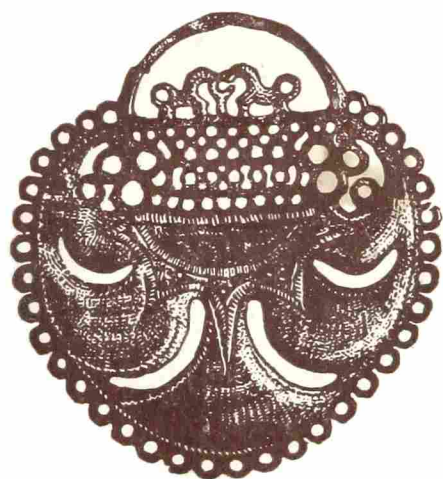

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2
1975

Г. В. ШИШКИНА

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА АФРАСИАБА

Впервые комплекс керамики периода Афрасиаб II был выделен в 40-е годы А. И. Тереножкиным, производившим небольшие раскопки, зачистки, наблюдения за земляными работами при постройке дороги и потому не имевшим в своем распоряжении обильного материала¹. Последовавшие после большого перерыва полевые исследования 1962—1964 гг. на северо-западе и 1969—1971 гг. — на севере Афрасиаба² дали возможность уточнить и значительно расширить ассортимент составляющей комплекс посуды. Массовый материал и четкая стратиграфия нижних слоев раскопа на северо-западе³, а особенно зольно-гумусных наслоений у городской стены на севере городища⁴, позволили выделить ряд признаков, свойственных только одному из двух соприкасающихся по времени бытования и во многом сходных комплексов (Афрасиаб II и III), и тем самым провести между ними границу, на которой размещается керамика переходных вариантов.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет представить ниже довольно полный состав керамического комплекса Афрасиаб II (включая и переходный к следующему периоду этап).

I — кубки — глубокие сосуды, высота которых превышает 1/2 диаметра⁵: 1 — стенки округлых очертаний, пропорции приземисты, высота меньше диаметра: А — на плоском донце (рис. 1, 3; рис. 2, правая колонка), Б — на кольцевом поддоне (рис. 2), В — на ножке (переходный период — ? и Афрасиаб III); 2 — резервуар округлых очертаний, вытянутых пропорций, высота больше диаметра; А — на ножке (рис. 1, 1; рис. 2); 3 — цилиндрическое тулово⁶: А — на плоском донце (рис. 2), Б — на кольцевом поддоне (рис. 2), В — на ножке (переходный период и Афрасиаб III) (рис. 2), Г — на дисковидном поддоне (рис. 2);

II — чаши — сосуды разных размеров, высота которых равна или меньше 1/2 диаметра⁷: 1 — профиль венчика «клювовидный» — «рыбное блюдо» (рис. 3, 1—5, 7, 8); 2 — венчик четких очертаний резко отогнут (верхняя плоскость его либо горизонтальна, либо наклонена наружу):

А — Т-образный профиль венчика (рис. 4, 3, 6, 9), Б — Г-образный профиль венчика (рис. 4, 4, 7, 8); 3 — чаши с развернутым бортом на поддоне (?), верхняя плоскость венчика наклонна внутрь (рис. 5, 1, 5, 6): А — стенки плавно отогнуты (рис. 5, 8), Б — венчик четко профилирован (рис. 5, 5, 7),

¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, III, 1—9.

² Афрасиабская экспедиция Института истории и археологии АН УзССР, руководитель до 1966 г. — В. А. Шишкин, в 1967—1971 гг. — Я. Г. Гулямов. В работах участвовали: К. Алимов, Я. Амиров, Л. Г. Брусенко, Е. Лушникова, Л. Павчинская. Фотографии Е. Н. Юдицкого.

³ Раскоп 9, шурф 3; 72-метровая траншея, квадраты А — Л.

⁴ Раскоп в 40-метровом квадрате 41/XVI.

⁵ Исключены круглодонные сосуды — см. раздел III.

⁶ Под цилиндрической разумеется только та форма, где изгиб стенки четко выражен или подчеркнут выступом снаружи и ложбиной внутри.

⁷ Исключены круглодонные сосуды, см. раздел III.

В — на стенке внутри — уступ (рис. 5, 1—4, 6); 4 — чаши с венчиком, закругленным внутрь (рис. 4, 12—20); А — на дисковидном поддоне, Б — на кольцевом поддоне, В — на плоском донце;

III — круглодонные чаши, высота меньше диаметра: 1 — полусферическая или в форме «парового сегмента» «мегарская чаша» (рис. 3, 12—16); 2 — развернутый борт, выделенный перехватом тулова и ребром (рис. 6, 2);

IV — крупные сосуды с широким устьем на высоком поддоне — «кратеры»⁸ (рис. 7);

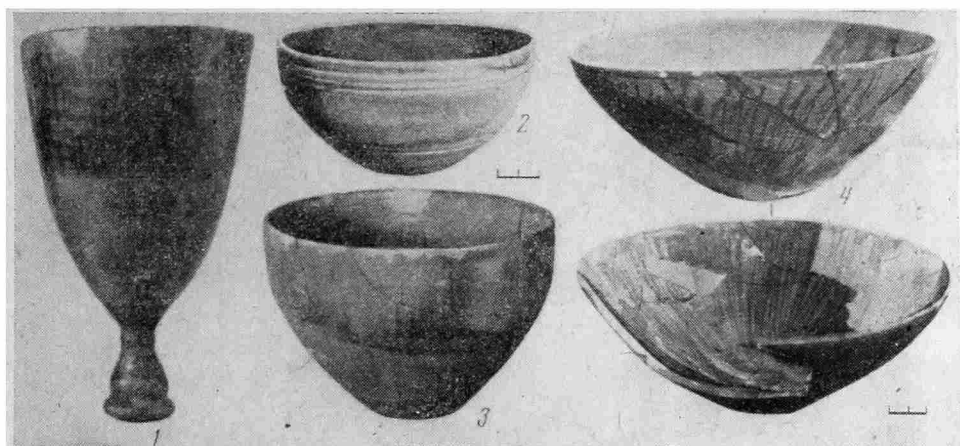

Рис. 1. Красноангобированная керамика. 1 — кубок 1 — 2 — А, полосчатое лощение, верхняя часть задымлена; 2 — «мегарская чаша», сплошное потускневшее лощение; 3 — кубок 1 — 1 — А, полосчатое лощение, верхняя половина задымлена; 4 — чаша на маленьком плоском донце, радиально-полосчатое лощение зигзагом

V — кувшины, диаметр горла (под венчиком) равен или меньше $1/2$ диаметра по плечикам (сильно фрагментированы);

VI — широкогорлые сосуды закрытой формы — горшки, диаметр горла больше $1/2$ диаметра по плечикам;

VII — сосуды с широким устьем — хумы (высотой от 1 м и больше) и хумчи (высотой 0,40—1 м): 1 — цилиндрическое тулово, манжетовидный венчик; 2 — тулово яйцевидное, венчик с широкой горизонтальной площадкой; 3 — покатые плечики, венчик отогнут наружу;

VIII — сосуды из жаростойкой глины — котлы: 1 — круглодонные, 2 — плоскодонные;

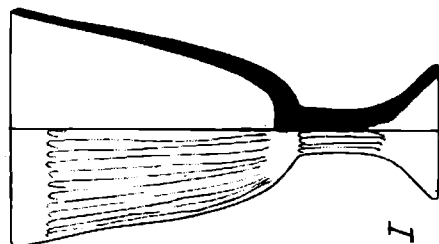
IX — светильники⁹.

Несмотря на бесспорно прослеживаемые нити, связывающие комплекс Афрасиаб II с предшествующим, различие между ними настолько велико, что почти все формы столовой посуды могут казаться привнесенными в готовом виде. Тем не менее анализ афрасиабской керамики и сопоставление ее с материалами из других более южных районов приводит к выводу о местной основе¹⁰ формирования новых типов посуды, хотя и под сильным чужеродным влиянием.

⁸ За неимением места ниже рассматриваются только те типы посуды, в которых наиболее явственно проявилось эллинистическое влияние.

⁹ Предложенная схема не включает все варианты форм керамики периода Афрасиаб II, тем более что многие из них пока единичны и фрагментарны. Частично комплекс Афрасиаб II представлен на рис. 7 в ст. Г. В. Шишкиной «О местонахождении Мараканды» (СА, 1969, 1); надписи на табл. искажены: вместо «II период» следует «II—III периоды» (№№ 119, 120, 122, 125—130, 132, 134, 136—149, 155—159, 161—163 относятся ко II периоду), вместо «III период» — «переход к IV периоду».

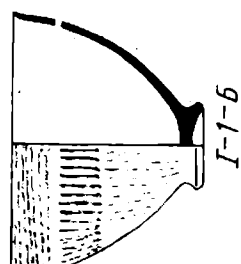
¹⁰ В связи с чем следует ожидать выявления промежуточного этапа Афрасиаб I—II (возможно, бывшего сравнительно кратковременным), характеризующегося переходными типами керамики.

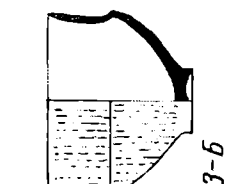
I

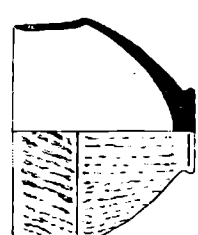
II

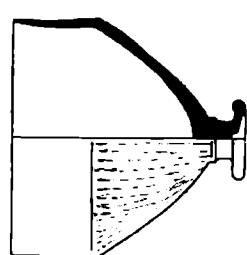
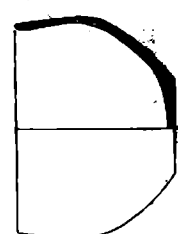
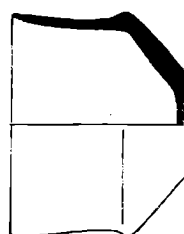
I-1-b

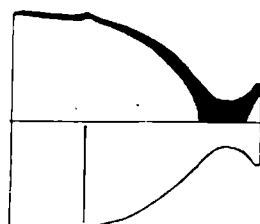
I-3-b

I-3-r

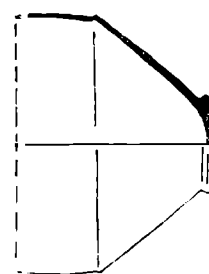
I-3-b

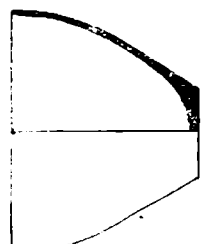
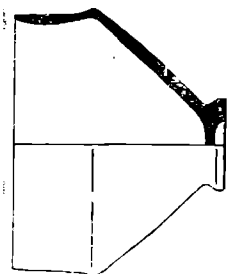
III

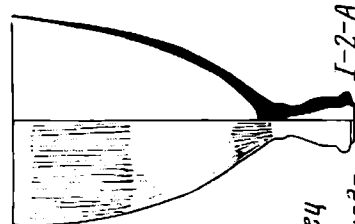
I-1-a

I-3-b

конец
II
периода

I-2-a

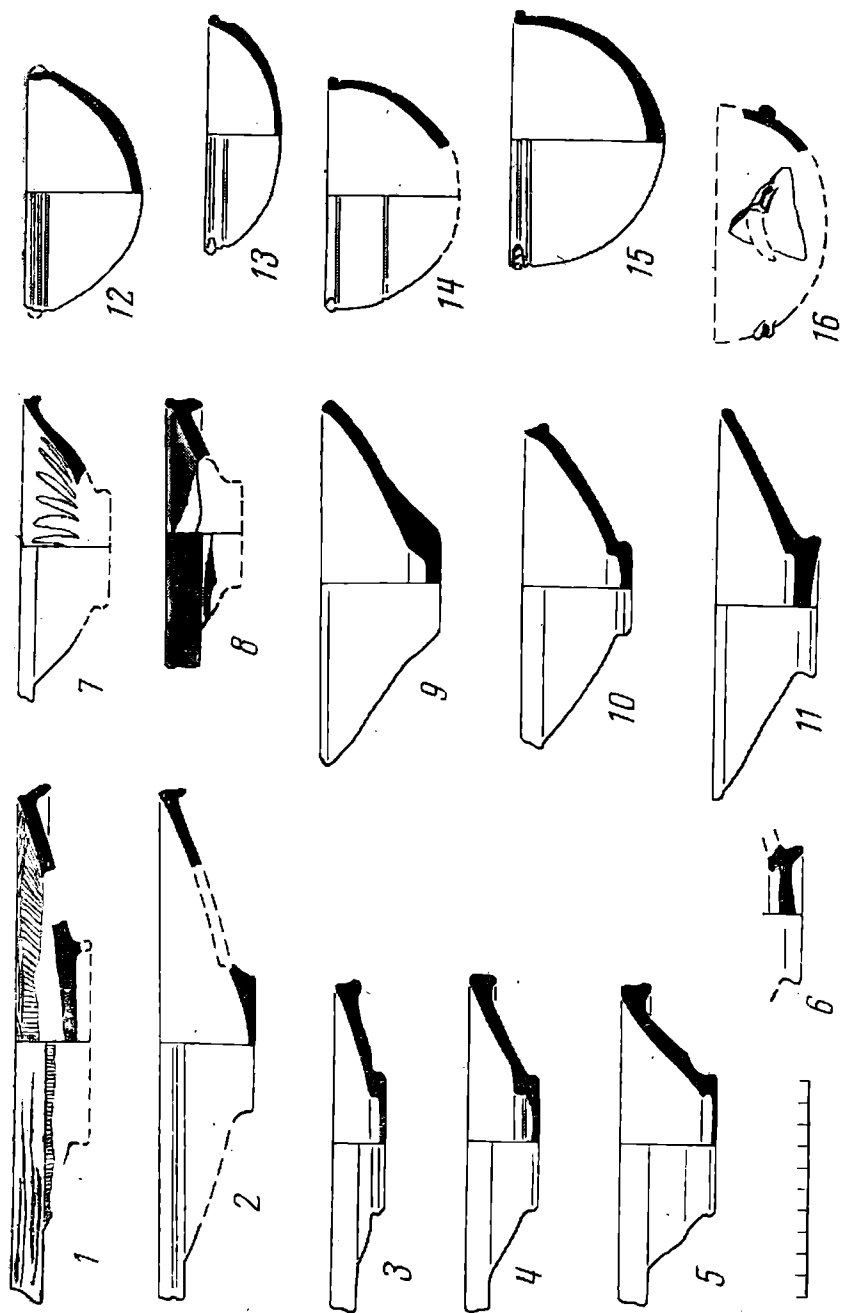

Рис. 3. «Рыбные блюда» — II — I и «мегарские чаши» — III — I. 1 — серый черепок, черный ангоб, поролошчатое лошение; 2 — розовый черепок, черный ангоб, сплошное лошение; 3, 5, 6, 9, 10 — без ангоба; 4 — светлый ангоб; 7 — без ангоба, лошение зигаагом; 8 — красные полосы по белому ангобу; 11-16 — красный ангоб, сплошное лошение

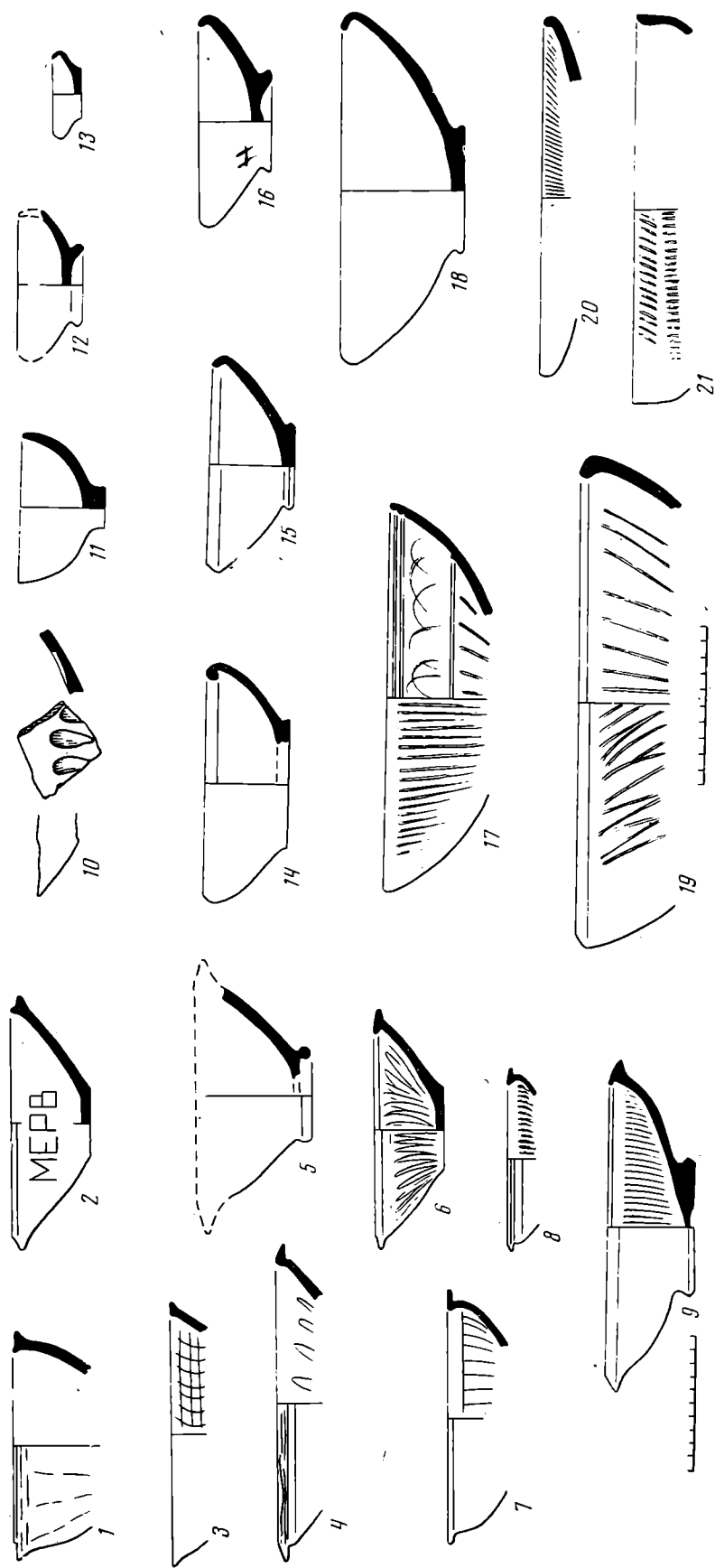

Рис. 4. Чаши II — I и II — 4; 1, 2, 4, 7—9 — красный ангоб, полосчатое лощение; 5 — серые черепок и ангоб, сплошное лощение; 6 — лощение по неангобированной поверхности; 10—13; 16—20 — красный ангоб; 14—15 — без ангоба; 21 — темные полосы лощения по неангобированной поверхности

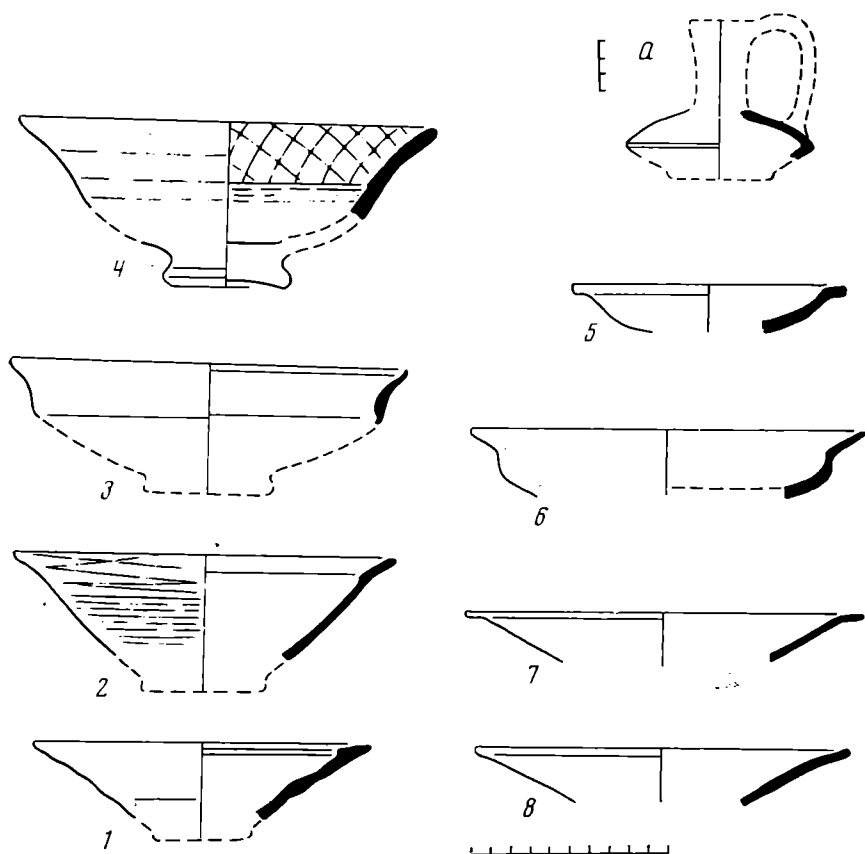

Рис. 5. Чашы II — 3 и биконический кувшинчик. а, 1, 2, 6—8 — красный ангоб, лощение; 4, 3 — серый черепок, черный ангоб; 5 — без ангоба

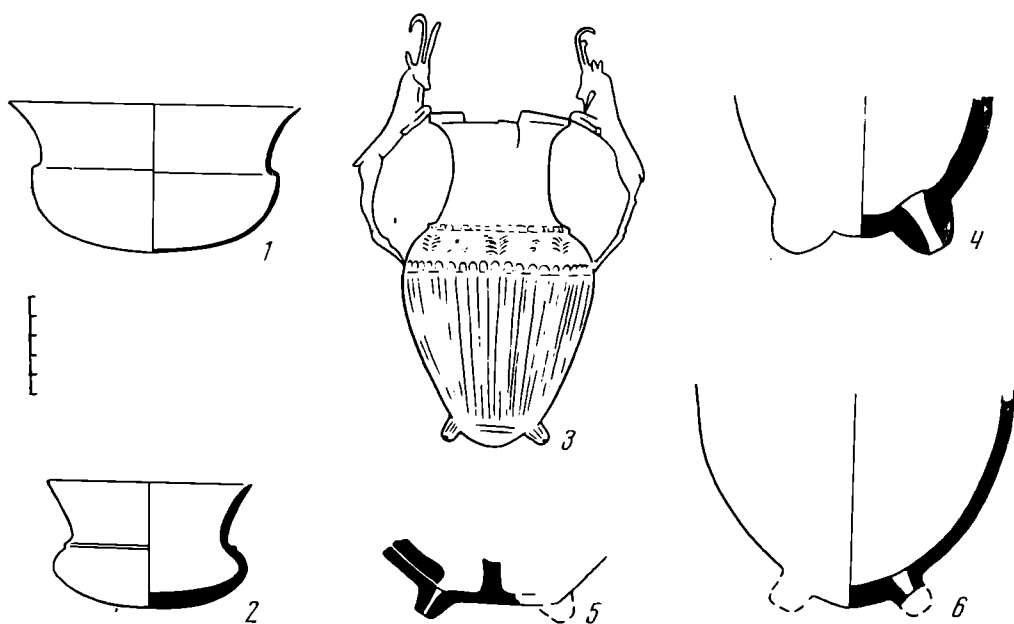

Рис. 6. Керамические сосуды Средней Азии и их металлические прототипы. 1 — бронзовая чаша V—IV вв. до н. э. из Персеполя (по Э. Ф. Шмидту); 3 — серебряный сосуд из Синопы (по Г. А. Тираццану); 2, 5, 6 — керамические сосуды с Афрасиаба (6 — по Н. Б. Немцевой); 4 — Кой-крылган-кала (по М. Г. Воробьевой)

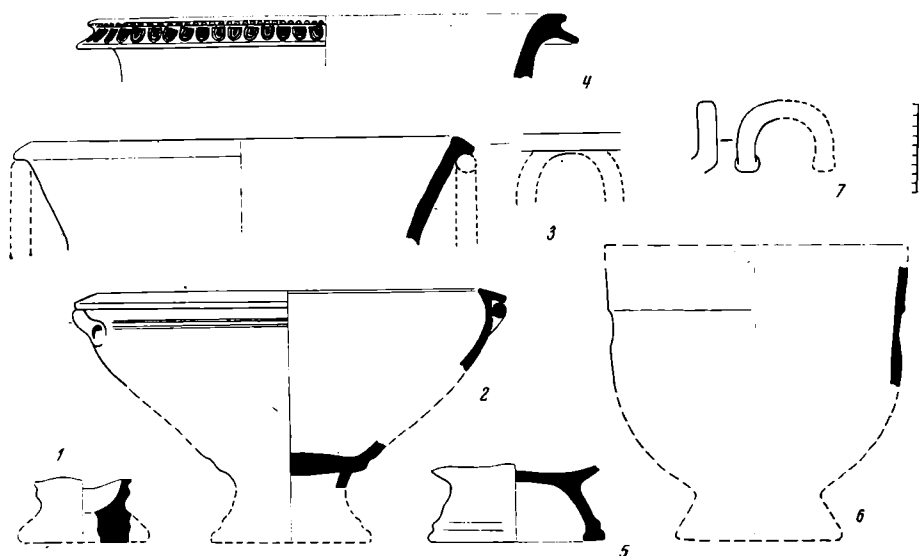

Рис. 7. «Кратеры». 1 — красный ангоб, 2 — светлый черепок, снаружи красный ангоб с черными подпалинами, внутри черный ангоб, 3 — красный ангоб с подпалиной; 4 — коричневатый-серый ангоб на сером черепке, сплошное лощение (из материалов С. К. Кабанова); 5, 6 — черный ангоб на сером черепке

В какой степени это влияние выражено в керамике древнего Самарканда показывают ведущие формы сосудов комплекса Афрасиба II — прежде всего чаши четырех видов (II — 1, рис. 3, 1–5, 7, 8; II — 2–А, рис. 4, 6, 9; II — 3–Б, рис. 5, 7,; II — 4, рис. 4, 16). Сравнение местных чаш с греческими (рис. 8) вряд ли оставит сомнение в их однотипности, причем некоторые из афрасиабских вариантов совершенно не отличаются от греческих. То же можно сказать и о единственном пока на Афрасиабе кувшинчике с биконическим туловом (ср. рис. 5, а и рис. 8, внизу справа).

Среди материалов из раскопок последнего десятилетия обращают на себя внимание еще две ранее не упоминавшиеся формы керамики — полусферические круглодонные чаши и крупные сосуды на высоком полове или сплошном поддоне. Круглодонные чаши разных пропорций, но неизменно с двумя желобками и двумя удлиненными налечами валиками вдоль края (рис. 1, 2; рис. 3, 12–16), всегда покрыты преимущественно красным ангобом и обработаны сплошным лощением. Прототипом афрасиабского круглодонного сосуда (III–1) представляются «мегарские» чаши, производившиеся в областях Средиземноморья со второй половины III в. до н. э. Чаши такой формы (III–1) появляются на Афрасиабе не в начале второго периода, а где-то ближе к его середине, становятся довольно обычными к концу его (см. табл. 1, № 4) и исчезают в третьем периоде. «Мегарские» чаши изготовлялись и с красным, и с черным покрытием, причем более ранним вариантом были черноангобированные сосуды¹¹. На Афрасиабе преобладают красноангобированные чаши, но нередки и с черным ангобом по серому черепку.

На ранних этапах периода Афрасиба II появляются сосуды с широким устьем на высоком поддоне (IV). Резервуар их в виде большой глубокой чаши с Г-образным венчиком и стенками, суженными к полову поддону, под венчиком небольшие скобовидные ручки (рис. 7, 2). Несмотря на своеобразие формы, сосуды вызывают ассоциацию с греческим кратером. Хронологическая последовательность появления типов «кратеров» пока не устанавливается, но для разных этапов периода Афрасиба II зафиксированы

¹¹ J. V. Noble. The Techniques of painted Attic Pottery. N. Y. (1965), p. 43. На это исследование мое внимание обратила С. П. Борисковская.

Таблица

№ № пп	Тип	Форма	Диаметр, см	Высота, см	Шифр слоя			
					$\frac{41/XVI}{XVIII-XX}$	$\frac{41/XVI}{XXI-XXII}$	$\frac{41/XVI}{XXIV-XXV}$	$\frac{P-9}{XV-XVIII}$
1	I-?-B				1,6%			
2	I-?-B				3,3%			
3	I-2-A		14	21,3	0,4%			
4	III-1		13-16	5-6,3	6,4%	11%	3%	
5	I-1-B		16	11,6	1%	1%	1,4%	0,4%
6	I-1-A		11,5-17,4	6,4-12	3,4%	10%	21%	46%
7	I-3-Г		9,4-21	7,5-12,5	23%	12%	1,4%	0,8%
8	II-3-B		19,5-24,5	8,5	0,4%	0,4%		0,8%
9	II-2-A,Б		13,3-24,3	4-6,5	4,4%	2,5%	6%	1,6%
10	II-3-A,Б		13,8-21	5,5-6	0,8%	5%		9%
11	II-1		13,8-26,2	2,3-5,4	7,4%	16,5%	13%	7,8%
12	II-4		5,5-27	1,7-8	14,6%	26,6%	4,4%	13%
13	IV				3%	0,8%	1,4%	1,5%
14	V, VI		9,5-12,5 17-28		20%	20%	48%	19%
15	1-3-A		16,4	12				0,8%

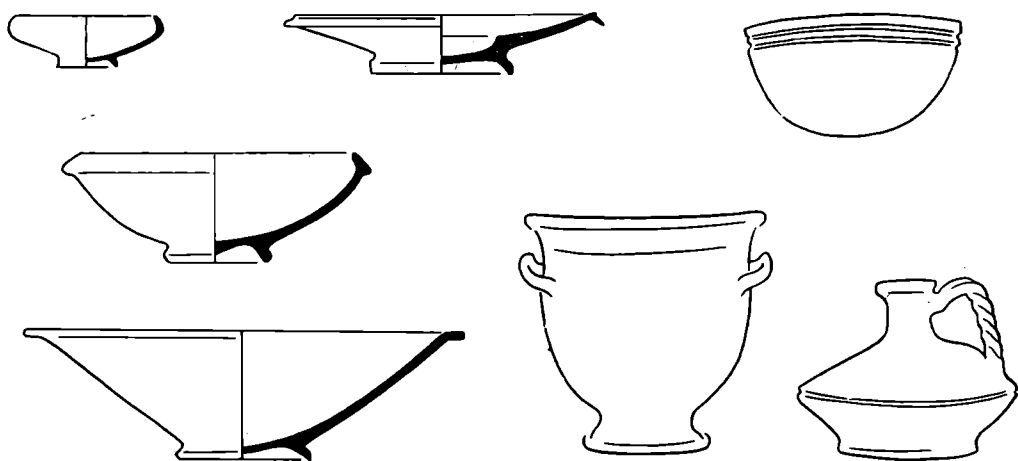

Рис. 8. Формы греческой посуды — прототипы афрасиабской керамики

разнообразные варианты тулова (рис. 7, 2 и 6), венчиков (рис. 7, 2, 3, 4), поддонов (рис. 7, 1, 5) и ручек (рис. 7, 2, 3, 7). Черепок «кратеров» либо красноватый, либо серый, ангоб, как правило, черный, залощенный сплошь, или в более поздних (в пределах периода II) вариантах, орнаментированный сетчатым лощением.

Черты сходства афрасиабской и греческой посуды не исчерпываются близостью, а порой и идентичностью форм. Местные сосуды, хотя они и не расписывались, по качеству обработки поверхности гораздо ближе к греческим, чем это может показаться на первый взгляд. В общей массе лощеной керамики качество лощения может и не очень высоко, но есть и экземпляры с отличным лощением¹², не уступающие прекрасным образцам эллинистической посуды. Тусклый блеск лощеной поверхности большинства афрасиабских сосудов Н. С. Гражданкина объясняет содержанием в глине частиц извести, при обжиге разлагавшейся и разрывавшей заглаженную поверхность пузырьками газа. Большое значение, по всей вероятности, имело соблюдение температурного режима. При дополнительном обжиге афрасиабского фрагмента тонкостенного кубка с ярким красным ангобом и отличным лощением при температуре 900° покрытие слегка потускнело, а черепок приобрел розоватый оттенок¹³.

Экспериментально исследовавший технологию производства греческой черно- и краснолаковой посуды Дж. В. Ноубл описывает процесс изготовления керамики, реконструируемый и на основании среднеазиатской лощеной керамики. Сосуд в обоих случаях покрывается специально подготовленной глиной — ангобом, по которому после подсушки проводится тщательная полировка галькой, костью или твердым деревом¹⁴. На Афрасиабе в слоях II периода найдены и костяные ложила (ребро, трубчатая кость), и плоская галька со следами красного ангоба на стертых гранях края, применявшаяся для полосчатого лощения.

Самаркандские гончары умели получить черный ангоб двух видов — матовый в незалощенных участках и, как греческие, спекшийся с металлическим блеском. Причем черные ангобы известны как на черепке красных оттенков, так и на сером, что объясняется особенностями обжига. Сильно железистые глины при обжиге в окислительной (с доступом воздуха) среде приобретали красный цвет. Добавка сырого дымящего топлива с прекращением доступа воздуха придавала изделиям черный цвет. При

¹² Найдены фрагменты кувшина, чаши и кубка. Красный плотный ангоб на стенках кувшина залощен до такой степени, что напоминает глазурь хорошего качества.

¹³ Обжиг произведен в муфельной печи в лаборатории археологической технологии под руководством Н. С. Гражданкиной.

¹⁴ J. V. Noble. Op. cit., p. 34.

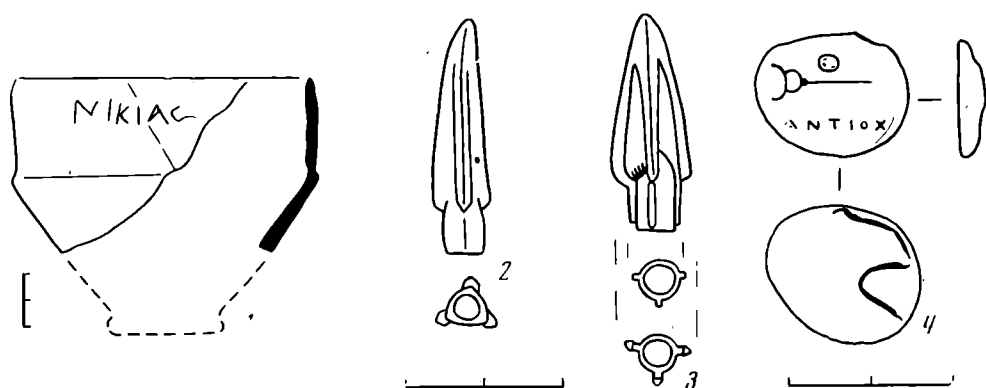

Рис. 9. 1 — фрагменты кубка с греческой надписью; 2 — бронзовый наконечник стрелы из раскопа 41/XVI в северной части Афрасиаба; 3 — бронзовый наконечник; 4 — монета из раскопа к востоку от городища (из материалов Ю. Ф. Бурякова)

температуре 950° ангобное покрытие, спекаясь, приобретало металлический блеск. Пористый черепок сосуда вновь получал красный оттенок, если в обжигательную печь опять открывался доступ воздуха, но опшлякованная поверхность ангоба уже не окислялась и не теряла своего черного цвета, закрепленного соединением окиси железа с кислородом.

Разницу в цвете верхней и нижней частей сосуда, столь обычную и для афрасиабской керамики, Дж. Ноубл объясняет частичным погружением изделий в песок, насыпанный на под печи. Восстановительный обжиг при температуре 800° придавал выступающей из песка части сосуда черный цвет, оставляя нижнюю красной¹⁵. Однако эффект мог быть получен более простым способом — размещением сосудов открытых форм (а только на них подобный прием наблюдается) перед обжигом один в другом, как, видимо, и поступали самаркандские гончары, в результате чего граница между красным и черным не всегда четкая.

Есть и другие частные детали, подтверждающие связь местной посуды с греческими образцами. К примеру, рыбные блюда в Танаисе (III—II вв. до н. э.) иногда орнаментировались полосами черного ангоба по черепку¹⁶, а одно из афрасиабских «рыбных блюд» (II—I) раскрашено широкими полосами красного ангоба (рис. 3, 8).

Еще одним свидетельством связи местной культуры с греческой служат фрагменты цилиндрикоконического кубка с процарапанной надписью ΝΙΚΙΑΣ (рис. 9, 1) — женским именем в родительном падеже — пример вотивных надписей, широко распространенных в античном мире¹⁷.

Несмотря на очень большую близость античной и самаркандской посуды, местная керамика настолько своеобразна, что речь должна идти не о подражании импортным образцам, а о существенной переработке исходных типов сосудов.

Объяснение тому направлению, которое получила переработка античной керамики, следует искать в более древних среднеазиатских комплексах, где уже бытовали сосуды, близкие к эллинистическим и формой, и размерами, а возможно, и назначением. Вероятно поэтому почти без изменений были восприняты античные чаши нескольких видов. «Рыбному блюду» с четкой профилировкой клювовидного венчика предшествует форма сосуда примерно тех же размеров и пропорций, но с венчиком, имеющим не отогнутый, а сплошной утолщенный край (продолжает бытовать и в эллини-

¹⁵ Там же, стр. 31, 32, 34, 37, 76.

¹⁶ Знакомством с керамикой из Танаиса обязана Т. М. Арсеньевой, за что приношу глубокую благодарность.

¹⁷ См. В. Ф. Гайдукевич. Вотив из Мирмекия. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 70.

стических комплексах). Фрагменты таких светлоангобированных чаш найдены на Афрасиабе в слоях с керамикой Афрасиаб I, есть эта форма и на Яз-Тепе. Один из местных вариантов чаш близок античной с Т-образным венчиком¹⁸.

Форма же кратера основательно видоизменяется. Трудно сказать, насколько сохранилось его функциональное назначение. Во всяком случае, сосуды эти служили вместилищем жидкости, которая вычерпывалась из них, о чем свидетельствует характер потертости ангоба на днищах всех найденных на Афрасиабе обломков кратеров¹⁹. Не исключена возможность, что и здесь подобные сосуды использовались для вина, тем более, что в период Афрасиаб III они нередко украшались головками спутника Диониса — Силена.

Привилась форма кувшина со смятым устьем — ойнохоя. В слоях Афрасиаб II найдено около десяти сильно фрагментированных горловин ойнохой, дающих профилировку венчика нескольких вариантов. «Мегарская чаша», сохранив свою полусферическую форму, утратила пышную рельефную орнаментацию, заменив ее двумя валиками и желобками по краю. Да и другие виды чуждой им орнаментики местные мастера совершенно не восприняли; но вновь возродили прием вертикально-полосчатого лощения, имевший глубокие корни в среднеазиатском гончарном ремесле²⁰ и в несколько своеобразном варианте примененный на кубках с высокой ножкой комплекса Афрасиаб I.

Некоторые типы керамики формировались под влиянием металлических изделий. При сравнении одного из афрасиабских сосудов (рис. 6, 2)²¹ с бронзовой круглодонной чашей из Персеполя (рис. 6, 1)²² становится очевидной их взаимосвязь. Форма металлического кувшина с двумя сосками (рис. 6, 3), надо полагать, популярная в свое время, широко внедрилась в керамическое производство Армении²³, Хорезма²⁴ и Согда (рис. 6, 4—6).

Серия кубков разных типов своим происхождением обязана развитию местных форм керамики. Кубок на плоском донце (I—1—А) мало изменяется на протяжении всего периода существования от Афрасиаба I до конца Афрасиаба III. На каждом из этапов он представлен несколькими незначительно различающимися вариантами пропорций и профилировки тулова (рис. 2, правая колонка). Истоки этой формы, как и кубка на ножке, уходят в IV тысячелетие до н. э. Периодами они как будто исчезают, но, возможно, изготавливаются в столь незначительном количестве, что не всегда могут быть зафиксированы. И все же обе формы сосудов следует считать восточными, не связанными в интересующем нас случае с влияниями античной керамики. То же самое можно сказать о цилиндрикоконических кубках на плоском донце (I—3—А), от которых ведет происхождение тип цилиндрикоконического кубка на дисковидном (I—3—Г), кольцевом (I—3—Б) поддонах (см. рис. 2, вторая колонка справа) и на ножке (I—3—В).

¹⁸ См. В. М. Массон. Раннеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. XXXVIII, 1; XXXIX, 21; X, 1, 15.

¹⁹ Кстати, то же наблюдается у кубков на ножках, донца которых в большинстве случаев (включая и кубки периода III) внутри сильно потерт.

²⁰ Лощение вертикальными полосами широко применялось во второй половине II тысячелетия до н. э. В. И. Сараниди. Продолжение работ на Улуг-Тепе, АО — 1968, М., 1969, стр. 434; Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культуры северной Бактрии. ВДИ, 1972, 1, стр. 139, прим. 68.

²¹ Найден Дж. Мирзаахмедовым в размытом оврагом зольнике.

²² E. F. Schmidt. Persepolis, II, Chicago, pl. 68, 1. Среди импортных вещей из кургана Солоха есть бронзовая чаша (IV в. до н. э.) той же формы, но иных пропорций. Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, Д1 — 27, 1970, стр. 101, табл. XV, XLV, 410.

²³ Г. А. Тицаян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. СА, 1964, 3, рис. 6, 2, 3.

²⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, Тр. ХЭ, IV, М., 1959, табл. V, 23, 24.

В развитии кубка на ножке намечаются две линии. Кубки вытянутых пропорций на высокой полый или сплошной ножке появляются в согдийской керамике не позднее конца периода Афрасиаб I²⁵ — около IV в. до н. э. Сосуды не покрыты ангобом, но в отличие от других типов синхронной керамики поверхность их обработана частыми вертикальными полосками, нанесенными на подсушенную глину, — нечто среднее между срезом и лощением. Продолжение развития формы отмечено несколькими экземплярами кубков также вытянутых пропорций, но выполненных на технологически более высоком уровне, в стиле основной массы керамики Афрасиаб II со сплошным или полосчатым лощением по красному ангобу (рис. 1, I; рис. 2, левая колонка).

В конце периода II кубки вытянутых пропорций начинают вытесняться приземистыми с округлым и цилиндроконическим резервуаром. Форма приземистого кубка на ножке складывается на основе сосудов ранних типов. Кольцевой поддон, часто с утолщением в центре донца, как бы заимствованный у чаш, создает переход от кубка на плоском донце (I-1-A) и от цилиндроконического на дисковидном поддоне (I-3-B) к кубкам с резервуаром соответствующей формы на ножке (I-1-B и I-3-G; рис. 2)²⁶. Тем самым согдийский материал не подтверждает установленной А. М. Мандельштамом хронологической последовательности типов кубков на ножке (раньше цилиндроконические, затем рюмкообразные)²⁷, синхронных Афрасиабу III.

Почти все основные формы керамики Афрасиаб II, слабо или совсем не видоизменяясь, существовали длительное время, оставаясь характерными и для периода Афрасиаб III. Общими для комплексов II и III были кубки с плавной линией стенок на маленьком донце (I-1-A), цилиндроконические на дисковидном поддоне (I-3-G); чаши с «клювовидным» профилем венчика диаметром 11–16, редко до 24 см (II-1); чаши с Г- и Т-образным профилем венчика (II-2-AB), с развернутым бортом и уступом внутри (II-3-ABV), малых размеров (диаметр 11–16 см) чаши с закругленным внутрь краем на плоском донце, дисковидном и кольцевом поддонах (II-4-ABV). Общи и такие технологические признаки, как хорошо подготовленная формовочная масса с органическими добавками (пух камышевых метелок)²⁸, тонкотертые, плотно покрывающие (густые) поверхность сосудов красные и черные ангобы; широкое применение лощения, преимущественно по ангобу.

Отличительная, легко распознаваемая особенность керамики периода Афрасиаб II — массовость продукции, обработанной вертикальными, горизонтальными и наклонными лощеными полосами. Негативным признаком служит отсутствие в слоях Афрасиаб II (исключая поздний этап периода) кубков с приземистым резервуаром на ножке.

Попытка выявить момент появления некоторых форм керамики сделана на основании подсчета процентного соотношения типов столовой посуды, правда, включая все виды узкогорлых и широкогорлых кувшинов, поскольку оказалось затруднительным определить назначение многих из них (табл. 1). При подсчете экземпляров сосудов за единицу принимались венчик, ручка или донце, в то же время у фрагментов предполагаемых близких форм сравнивались структура и цвет черепка, качество и цвет ангоба, способ обработки поверхности. Учитывались только достаточно выразитель-

²⁵ Впервые выявлены С. К. Кабановым на западе Афрасиаба.

²⁶ Независимо от того, что в пределах Афрасиаб II кубок вытянутых пропорций на ножке (I-2-A) предшествует приземистому (I-1-B и I-3-B), такую последовательность в развитии этой формы нельзя считать постоянной. Известны значительно более ранние приземистые (Иран, IV–II тысячелетия до н. э.) и вытянутые — поздние (Афрасиаб IV) кубки.

²⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 156.

²⁸ См. Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, рис. 2 и 3.

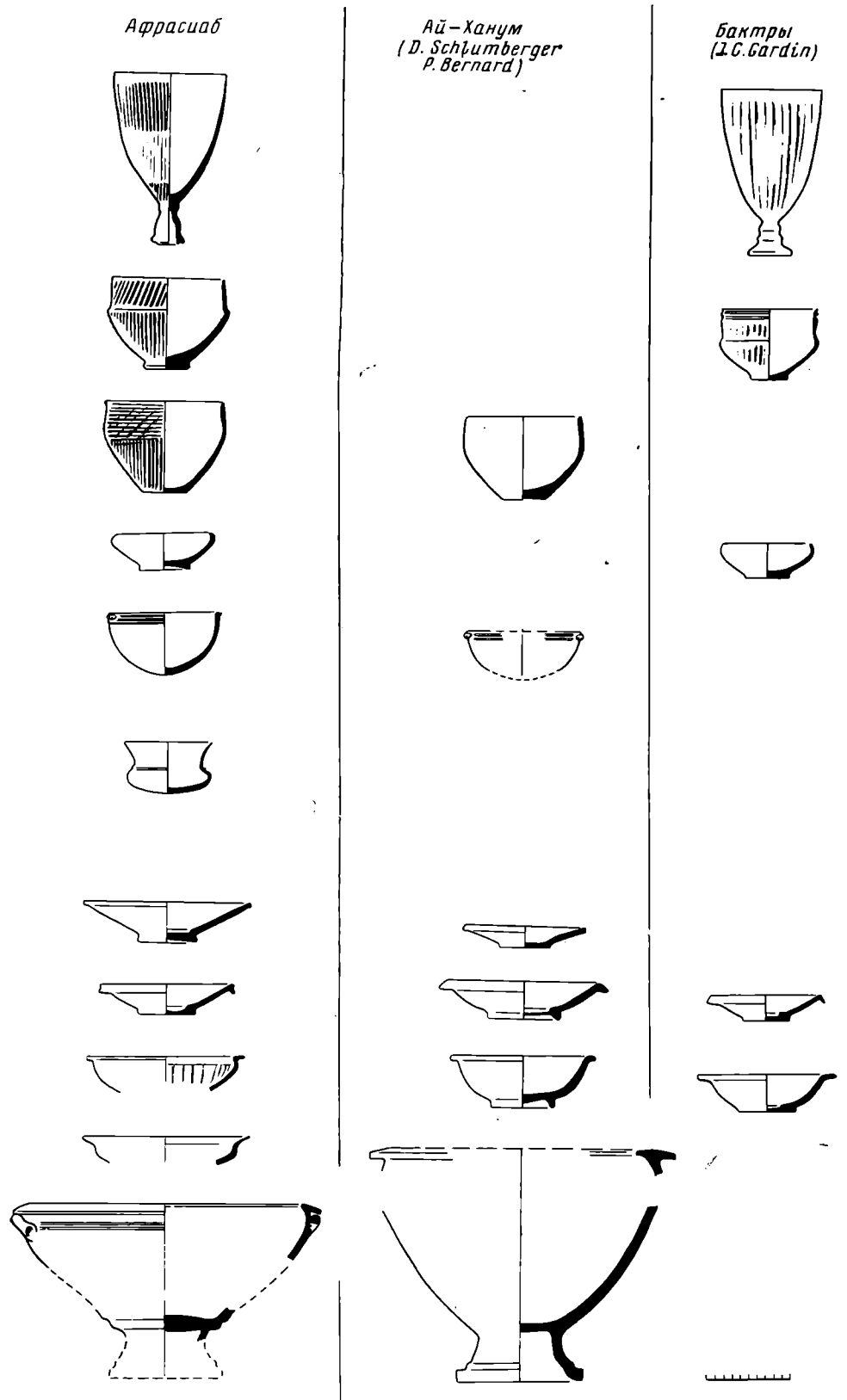
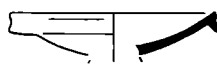
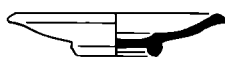
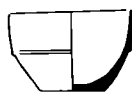
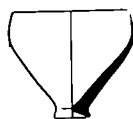
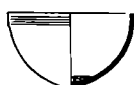
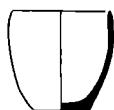
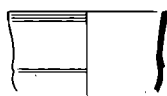
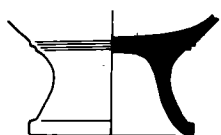
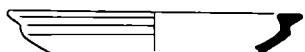
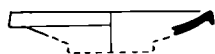
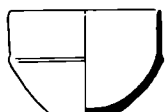

Рис. 10. Сравнительная таблица форм керамики. Исследователи датируют материал второй половиной I тысячелетия до н. э. (за исключением кубка I—3—A из Хорезма — VI—V вв. до н. э.)

Хорезм „поселения
анджиаков“
(по М.Г. Воробьевой)

Чарсада, Таксила
(M. Wheeler,
J. Marshall)

Мерв
(по Э.И. Усмановой)

ные фрагменты стенок: стенка кубка с полосчатым лощением, стенка кувшина лощеного без соответствующих венчиков, ручек и донце и другие подобные случаи. Результаты подсчетов получены на основании выборок из четырех слоев: 657 определимых экземпляров сосудов из ярусов XV—XVIII раскопа 9 на северо-западе городища, 67 из XXIV—XXV ярусов раскопа 41/XVI на севере, 446 из XXI—XXIII и 323 из XVIII—XX ярусов того же раскопа.

Руководствуясь наличием ранней формы цилиндрикоконического кубка на плоском донце (I—3—А; табл. 1, № 15) и отсутствием «мегарских» чаш (III—I), слой раскопа 9 можно считать наиболее ранним из представленных, последовательность же трех других определяется стратиграфией раскопа 41/XVI. Большинство сосудов, составляющих комплекс, изготовлялось на протяжении всего периода Афрасиаб II, с начального и до последнего этапа. Насколько закономерно полученное процентное соотношение типов посуды, можно будет судить только после сопоставления с анализом новых материалов.

Логичной представляется картина, выявленная для «мегарских» чаш: отсутствие их в раннем слое, нарастание количества в двух последующих слоях, убывание на последнем этапе периода II (табл. 1, № 4), что согласуется с полным отсутствием «мегарских» чаш в периоде Афрасиаб III. Отсутствие же кубков вытянутых пропорций (I—2—А) на ранних этапах периода II, надо думать, обусловлено малочисленностью их (всего 0,4% в верхнем слое — табл. 1, № 3), тем более что несомненная типологическая связь с кубками Афрасиаб I предполагает непрерывность их производства. Незначительный процент кубков с округлым (табл. 1, № 5) и цилиндрикоконическим резервуаром на кольцевой поддоне, возможно, объясняется переходным характером этих форм. Некоторое время они сосуществуют с новой формой кубка на ножке, но вскоре совсем перестают изготавливаться.

Комплексы, в той или иной степени близкие керамике периода II на Афрасиабе, получили широкое распространение во второй половине I тысячелетия до н. э. Северные границы их ареала намечаются по нескольким пунктам, материалы из которых опубликованы. Все основные формы сосудов комплекса: кубки на плоском донце (I—1—А), «рыбные блюда» (II—I), чаши с Т- и Г-образными венчиками (II—2—АБ), крупные сосуды с массивным ребром в придонной части, венчики хумов с горизонтальной площадкой представлены в керамике городища Бабиш-Мулла I²⁹ (рис. 10, колонка «Хорезм») и частично Ток-Калы³⁰. В бабиш-муллинской керамике процент лощеных сосудов незначителен, основная их масса покрыта красным ангобом, встречается черный ангоб на красноватом черепке и вертикально-полосчатое лощение на чашах и кувшинах³¹. В хорезмийских комплексах, датированных исследователями IV—III вв. до н. э., есть черты, связывающие их с согдийской керамикой периода Афрасиаб II: кубок вытянутых пропорций, правда, со своеобразной ребристой разделкой резервуара; чаша с Т-образным профилем венчика; кубки округлых очертаний на плоском донце со слегка развернутым бортом³², в отличие от афрасиабских, имеющих прямые стенки; высокие полые поддоны «кратеров» (?)³³ и круглодонные чаши — довольно сильно измененный вариант (рис. 10, «Хорезм») общего для обширной территории прототипа (рис. 6, I). Кубки на плоском донце (I—1—А) и чаши с Т-образным венчиком (II—2—А), обработанные

²⁹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 168, рис. 95.

³⁰ А. В. Гудкова. Ток-Кала. Ташкент, 1964, стр. 38 сл., рис. 9. (Дата II—III вв. н. э.)

³¹ За возможность ознакомиться с материалом приношу большую благодарность Л. М. Левиной.

³² На Афрасиабе представлен пока одним экземпляром.

³³ По М. Г. Воробьевой — это поддоны курильниц (гл. II «Керамика» в кн.: «Кой-Крылган-Кала», М., 1967, стр. 112, 122).

горизонтальными и вертикальными полосами лощения по красному ангобу, найдены в Ура-Тюбе³⁴.

Только общностью происхождения можно объяснить большое сходство керамики Афрасиаб II с комплексом III—II вв. до н. э. из Мерва (ср. рис. 4, 1, 2 и рис. 10, «Афрасиаб», «Мерв») при всем своеобразии последнего, что выражается прежде всего в меньшем проценте сосудов на поддоне³⁵ и в характерной форме кубка на высоком поддоне, не находящего прямых параллелей в других комплексах. Как и на Афрасиабе, значительная часть мервской столовой посуды покрыта красным ангобом со сплошным лощением, но известны случаи применения черного ангоба и полосчатого лощения³⁶.

На юге ареал описываемого комплекса с заметно ослабленной степенью общности и с более выраженным местным своеобразием достигает Таксилы, Чарсады и верховьев Ганга³⁷, где среди местных форм выделяются сосуды явно эллинизированного облика (рис. 10, «Чарсада», «Таксила»).

Наибольшая близость керамики периода Афрасиаб II обнаруживается с материалами из Ай-ханум³⁸ и одним из комплексов Бактр³⁹ (рис. 10). Здесь и общность форм, и обработка поверхности сплошным и полосчатым лощением по красному и черному ангобам. Рассмотренные параллели согдийскому комплексу заставляют признать, что несмотря на возможность существования каких-то связей между северными областями Средней Азии и Причерноморьем⁴⁰ еще в пору правления Ахеменидов, местная материальная культура как до, так и после походов Александра складывалась в тесной взаимосвязи с культурой южных районов.

Начало формирования керамического комплекса Афрасиаб II по времени совпадает с переменами в других сферах, в частности, в строительной технике, где продолговатый сырцовый кирпич вытесняется квадратным. Смена формата кирпича, выявленная при изучении стратиграфии городских стен Афрасиаба, происходит еще в то время, когда в керамическом комплексе не наблюдается сколько-нибудь ощутимых перемен. Но уже следующий этап, отмеченный строительством новых городских укреплений из квадратного сырцового кирпича связан со сложившимся комплексом Афрасиаб II. В поисках абсолютной даты для нового комплекса керамики помогают бронзовые наконечники стрел. Одни из них, трехлопастной с втулкой подтреугольного сечения, извлечены из гумусного слоя, предлежащего слоям с керамикой периода Афрасиаб III. Принятые для подобных наконечников стрел даты в пределах V—III вв. до н. э. вполне согласуются с находками бронзовых наконечников в несколько более поздних слоях Афрасиаб III, датированных С. К. Кабановым тем же временем⁴¹. Допол-

³⁴ В. А. Ранов и Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, в. VII (1959 год). Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, XXXI, Душанбе, 1961, стр. 120 сл., стр. 122, рис. 10, 3, рис. 12.

³⁵ Без поддона изготавливаются в Мерве и цилиндроконические кубки, тем самым сближающиеся более всего с хорезмийскими (см. рис. 10, второй ряд сверху). Особенности формы и технологии они отличаются от цилиндроконических кубков I—3 — Афрасиаба I (ср. рис. 2, внизу).

³⁶ З. И. Усманова. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-Кала. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 190.

³⁷ J. Marshall. Taxila. Cambridge, 1951, v. II, p. 416, 418; v. III, pl. 123, 84; 124, 107; M. Wheeler. Charsada. Oxford, 1962, fig. 10, 11, 12; 29, 251, 252, 254; B. B. Lal. Excavations at Hastinapura and other Explorations at Upper Ganga and Sutlej Basins 1950—1952. Ancient India, 1954, 10, Ancient India, 11. New Delhi, fig. 18, XXXII, XXXIV; 19, XL, XII.

³⁸ D. Schlumberger et P. Bernard. Ai Khanoum, BCH, LXXXIX, II, Paris, 1965. p. 606—639.

³⁹ J. C. Gardin. Céramiques de Bactre, MDAFA, XV, Paris, 1957, pl. VII, 23a (1), a (2), 24b; III, 15b; IV, 16a, 17, 19b, c, 18a, b, XIII, 3.

⁴⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 109, 192; его же. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 139.

⁴¹ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух керамических форм. СА, 1964, 3, рис. 2, 1—5.

нительные сведения к датировке слоя получены на холме восточнее городища, где вместе с керамикой типичного для Афрасиаба II облика найдены бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 9, 3) и медная монета (16×19 мм) овальной формы (рис. 9, 4) с именем Антиоха (без титула «Василевс») ⁴². Независимо от того, которому из Антихов ⁴³ мог принадлежать чекан, монета должна быть отнесена к III в. до н. э.

Попытка обратиться к историческим фактам ближайшего времени, которые могли существенно отразиться на облике местной культуры, неизбежно приведет к походам Александра Македонского, повлекшим за собой широкое распространение эллинистического влияния. Предложенная А. И. Тереножкиным новая датировка периодов Афрасиаб II и III IV—III вв. до н. э. ⁴⁴ вместо ранее опубликованной IV—II вв. до н. э. ⁴⁵ требует уточнений, поскольку она не учитывает самого факта эллинизации комплексов, длительности периодов II—III и довольно характерных признаков в слоях III периода, заставляющих относить его конец к рубежу нашей эры или к I в. н. э. Кроме того, теперь, когда массовый материал дает возможность провести границу между комплексами II и III, нет нужды рассматривать их совокупно.

Как обоснование даты комплексов II и III, А. И. Тереножкин приводит наконечники стрел, к сожалению, без должного внимания к стратиграфии их находок. Оставив в стороне найденные в слоях Афрасиаб I двухлопастные и черешковые наконечники, рассмотрим обстоятельства обнаружения трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Наиболее ранняя группа их, датированная А. И. Тереножкиным VI — первой половиной V в. до н. э. ⁴⁶, представлена двумя вариантами с округлым (1) и ромбовидным (2) очертанием лопастей. Наконечники первого варианта найдены с керамикой периода I ⁴⁷ — в слое близ городской стены III периода и в ремонтной кладке той же стены ⁴⁸. Наконечники стрел второго варианта извлечены из слоя Афрасиаб I ⁴⁹ и из завала городской стены Афрасиаб III ⁵⁰. Стратиграфия находок этих четырех наконечников делает очевидной их принадлежность только к слою Афрасиаб I ⁵¹ и тем самым не позволяет служить основанием для датировки периода III ⁵².

Два наконечника стрел более позднего времени (V—IV вв. до н. э.) найдены в слое Афрасиаб III, опять же у самой городской стены. И только два еще более поздних наконечника (рис. 8, 2, 3), с датировкой одного из которых IV—III вв. до н. э. А. И. Тереножкин ⁵³ согласен, обнаружены

⁴² А. И. Тереножкин, Вопросы периодизации и хронологии древнего Самарканда. СА, 1972, 3, рис. 1, 8 (опубликован наконечник стрелы); Ю. Ф. Буракаев, М. Тагиев. О кангуйско-кушанских слоях Афрасиаба. Общественные науки в Узбекистане, № 8, 1968, стр. 58—60; Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Бураков. Новые данные по истории древнего Самарканда. Общественные науки в Узбекистане, 9, 1970, стр. 70.

⁴³ Не могла бы монета относиться к медной эмиссии Антиоха I того периода, когда он был наместником восточных владений отца? (См.: История таджикского народа. I, М., 1963, стр. 286).

⁴⁴ А. И. Тереножкин. Вопросы периодизации..., стр. 95.

⁴⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач., стр. 153.

⁴⁶ А. И. Тереножкин. Вопросы периодизации..., стр. 93 сл., рис. 1, 2—4, 9.

⁴⁷ Там же, рис. 1, 2.

⁴⁸ Там же, рис. 1, 3.

⁴⁹ Там же, рис. 1, 9.

⁵⁰ Там же, рис. 1, 4; С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 186. Слой прилегает к поверхности стены у ее основания и, по словам автора, «прикрывает», но не перекрывает стену, как у А. И. Тереножкина. Слой не перемешан, как оговаривает А. И. Тереножкин, если не считать возможного попадания в него мелких фрагментов I периода из разрушенных кладок городской стены, а содержит комплекс керамики Афрасиаб III. Стратиграфия участка в описании А. И. Тереножкина искажена (Вопросы периодизации..., стр. 94).

⁵¹ В более поздний слой два наконечника попали с грунтом и, как показывают находки в теле ремонтной стены, с керамикой Афрасиаб I при возведении городских укреплений.

⁵² А. И. Тереножкин. Вопросы периодизации..., стр. 95.

⁵³ Там же, стр. 95.

с керамикой Афрасиаб II в зольнике⁵⁴ и в хорошо изолированном слое⁵⁵. Такая ситуация не позволяет и наконечники V—IV вв. считать датирующими комплекс III и объясняет их присутствие в слое, скорее всего, разрушением городской стены, из строительного материала которой они и попали в завалы. В итоге только наконечники IV—III вв. могут быть привлечены для обоснования времени бытования комплекса II, но ни в коем случае не Афрасиаба III. В связи с изложенными соображениями приходится отказаться и от тезиса А. И. Тереножкина о начале упадка города во II в. до н. э.⁵⁶

Изменения, резко отразившиеся на облике материальной культуры, а затем и в сокращении территории города, начали сказываться не раньше первых веков нашей эры. Нужно признать, что, во всяком случае, первая, упоминаемая А. И. Тереножкиным⁵⁷, волна кочевых племен (II—I вв. до н. э.) не вызвала существенных перемен в жизни города на Афрасиабе, хотя есть основания говорить о контакте горожан с кочевниками в этот период.

Удалению комплекса Афрасиаб II за пределы последней четверти IV в. до н. э. препятствует также его эллинизированный (в сравнении с предшествующим материалом) облик и тесная связь с эллинистической керамикой других пунктов Востока и Средиземноморья. Время бытования комплекса в какой-то мере определяется греческой надписью, монетой Антиоха и наконечниками стрел IV—III вв. до н. э. (рис. 8, 1—4). Труднее обстоит дело с выявлением хронологической границы между слоями II и III периодов. В этом случае придется обратиться к результатам исследований типологически близких керамических комплексов, добытых за пределами Согда.

Переходный этап от II к III периоду определяется массовым производством кубков приземистых пропорций на ножке (I—1—B и I—3—B), вытеснивших ранние кубки с вытянутым резервуаром (I—2—A). Анализ материалов из большого могильника позволил А. М. Мандельштаму подтвердить (несколько уточняя) датировку I в. до н. э. — I в. н. э., предложенную М. М. Дьяконовым для группы погребений Туп-хона⁵⁸.

Эта группа представляет интерес, так как в одной из могил был найден кубок, типологически восходящий к афрасиабскому (рис. 1, 1; рис. 10, вверху слева). Кубок из Туп-хона, судя по изгибу стенок, видимо, моложе близкого ему по форме и технологии кубка из Шахри-Бану (рис. 10, колонка «Бактры»)⁵⁹ и тем более моложе афрасиабского. Опираясь на все это, за неимением более веских оснований можно предварительно провести границу между комплексами Афрасиаб II и III где-то на рубеже II и I вв. до н. э.⁶⁰

Останавливаясь на степени эллинизации столь отдаленных от Средиземноморья, как Согд, областей, исследователи обычно ограничивались сферой искусства. Однако характерные особенности керамического комплекса Афрасиаб II показывают, насколько глубоко эллинистическое влияние проникло не только в культуру верхушки восточного общества, но и в повседневную жизнь города на краю ойкумены.

⁵⁴ Зольник на северном краю городища $\left(\frac{41/XVI}{XXII} \right)$.

⁵⁵ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. Ук. соч., стр. 59. Следует учесть, что и наконечник стрелы, и монета Антиоха найдены не в «слое со смешанной керамикой», как пишет А. И. Тереножкин (Ук. соч., стр. 95), а в слое с четко выраженным комплексом керамики Афрасиаб II, который, по словам авторов, «изолирован от более поздних примесей».

⁵⁶ А. И. Тереножкин. Вопросы периодизации..., стр. 98.

⁵⁷ Там же, стр. 99.

⁵⁸ М. М. Дьяконов. Работы Кафир-Яганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 165, табл. 83, 7; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию..., рис. 55, 5, стр. 153.

⁵⁹ J. C. Gardin. Op. cit., pl. XIII, 3.

⁶⁰ Посвятивший изучению афрасиабских кубков статью С. К. Кабанов, датируя кубки на высокой ножке III—II вв. до н. э., удревает и датировку слоев Афрасиаб III, из которых они происходят: С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 85.

LA CÉRAMIQUE HELLENISTIQUE D'AFROSIAB

Résumé

Pour la première fois au cours de ces dernières années on a découvert à Afrosiab (ruines de l'ancienne Samarkand) un ensemble de céramiques se rapportant à la période II, suffisamment important pour montrer ses particularités indiquant une forte hellénisation. La comparaison avec les spécimens de poterie grecque montre combien la céramique hellénistique sogdienne était proche de ses prototypes (cf. les fig. 3, 5, 7 avec la fig. 8). C'est presque sans modifications que se sont implantés dans la céramique sogdienne les «plats aux poissons», les coupes à rebord incurvé et celles portant un motif en forme de «T» ou de «gamma». Il est assez facile de reconnaître les «coupes de Mégare» (fig. 3, 12—16), les «cratères» (fig. 7), et encore davantage les «oenochoès». L'aire de la culture plus ou moins apparentée à l'ensemble sogdien d'Afrosiab II est très vaste: elle s'étend du Khorezm, depuis Oura-tioubé au nord, jusqu'à Taxil et au cours supérieur du Gange au sud (fig. 10). L'étude de l'ensemble d'Afrosiab II a montré combien l'influence hellénistique avait pénétré profondément dans la vie quotidienne de cette ville.